

УДК 316.6

DOI: 10.34670/AR.2023.99.62.013

Советское: проекции субъективностей в праздничном эпистолярном коммуницировании

Липицкая Валентина Михайловна

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
Казанское высшее танковое
командного ордена Жукова Краснознаменное училище,
420059, Российская Федерация, Казань, ул. Оренбургский тракт, д.6;
e-mail: vmnasrtdinova@mail.ru

Автор выражает искреннюю признательность доценту кафедры общей философии Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидату философских наук Полине Сергеевне Котляр, преподавателю кафедры иностранных языков в сфере международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидату филологических наук Эллине Викторовне Шустовой и доценту кафедры иностранных языков Казанского высшего танкового командного училища, кандидату филологических наук Динаре Радиковне Ханиповой, в разное время любезно предоставившим материалы личных и семейных архивов для настоящего исследования.

Аннотация

«Поиски человека» в логике антропологического поворота, как известно, перемещаются с грандиозных магистралей Большой Истории на прихотливые, извилистые тропинки частных жизней. Обратясь к анализу открытки как образца праздничного эпистолярного коммуницирования, автор приходит к ряду выводов о субъективностях советского человека. Реализующие преимущественно фатическое общение, «открытые письма», во-первых, служат не столько коммуникативной, сколько фестивальной практикой, а также выполняют ряд функций, позже мигрировавших в социальные сети. В свою очередь, отправляемые по почте «только в конверте» послания являются, по мнению автора, эпистолярным аналогом «кухонных разговоров», в рамках которых, порой, наблюдается растождествление с советской идентичностью. Как можно заметить даже на примере выводов, полученных в ходе настоящего исследования, довольно нишевого и немасштабного, анализ эго-документов советского человека позволяет визуализировать его субъективность иначе, нежели это происходит на эпических полотнах официальной истории. Таким образом, опыт прочтения эго-документов выступает как «прививкой» от стигматизации Homo Sovieticus, так и инструментом преодоления невозможного для философского знания условного конструкта «человек вообще».

Для цитирования в научных исследованиях

Липицкая В.М. Советское: проекции субъективностей в праздничном эпистолярном коммуницировании // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 1А. С. 166-175. DOI: 10.34670/AR.2023.99.62.013

Ключевые слова

Советское, субъективность, эго-документы, эпистолярное коммуницирование, социальные сети, фатическое общение, информационное общение, идентичность.

Введение

«Поиски человека» в логике антропологического поворота, как известно, перемещаются с грандиозных магистралей Большой Истории на прихотливые, извилистые тропинки частных жизней, «возвращая «маленькому человеку» его место на авансцене истории» [Суржикова, 2014, 6]. Своеобразным «компасом», позволяющим осуществлять исследовательскую навигацию в русле индивидуальных «*дорог и судеб*», способны становиться т. н. эго-документы – или, как их еще иногда называют, «источники личного содержания» [Зарецкий, 2021, 198] – дневники, записки, материалы эпистолярной коммуникации – письма, открытки, телеграммы. К исследовательской оптике именно советских «микроисторий» в разное время обращались Н.Н. Козлова [Козлова, 1994], [Козлова, 2005], Н.Б. Лебина [Лебина, 2019], О.В. Шабурова [Шабурова, 2017].

Настоящая работа представляет собой очередную попытку добавить еще несколько штрихов к портретам субъективности (или, по справедливому замечанию Ю.П. Зарецкого, – субъективностей [Зарецкий, 2021, 199]) советского человека, стремясь тем самым сделать образ Homo Sovieticus более частным, подробным, персональным. В своих поисках мы обращаемся к реверсу – то есть к оборотной, текстовой части открытки как ключевого, наиболее частотного элемента праздничного эпистолярного общения. Семантическое поле, оформляемое аверсом открытки, ее символами, образами и декорумом нами уже рассматривалось ранее [Насртдинова, 2018]. Предполагая и функциональную неодинаковость, и эмоционально-настроенческую негомогенность посланий, отправлявшихся разными способами – в виде открытого письма или в конверте, мы рассмотрим содержание текстов, «доверенных» каждому из них, отдельно. Исследование осуществлено на материалах личных архивов, имевшихся в распоряжении автора (более 1200 образцов).

Открытка: открытое письмо

В случае, если речь заходит об открытке, человеку современному, с большей вероятностью, представляется *очевидно красивый* образец полиграфической продукции – глянцевый, выполненный на плотной бумаге, хвастливо переливающийся блесками, фольгированным тиснением и иными дизайнерскими изысками. В первом разделе настоящей работы, однако, мы обратимся к рассмотрению открытки, представлявшей собой стандартный почтовый бланк с разлинованным реверсом, «работавший» по принципу «открытого письма», то есть отправлявшийся в путешествие от адресанта к адресату без конверта и *открыто* демонстрировавший содержимое своего послания – фактически, кому угодно.

Первое, что буквально бросается в глаза – это объем открыточной коммуникации, *ничего не сообщающей*, реализующей исключительно функцию фатического общения: в таких посланиях меняются лишь года (*С Новым 1975 годом!*), имена получателей и отправителей, а также лиц, которым традиционно передаются «приветы и теплые пожелания»; фактически неизменным остается текст поздравительного клише («счастья, здоровья, благополучия, успехов в различных сферах жизни»). Приведем несколько примеров таких поздравлений.

«Милая Танечка! Поздравляем тебя и Наталию Ивановну с наступающим Новым Годом! Примите самые сердечные пожелания здоровья, благополучия и всяческих успехов в Новом Году. Капровичи» (по штемпелю: 29.12.75).

«Здравствуй уважаемые родные зять Анатолий сестра Наташа, и племянница Таня.

прздравляю (здесь и далее орфография и пунктуация текста на обороте открытки приводятся в оригинальной редакции адресантов. – В.М.) вас с наступающим Новым годом желаю вам всего хорошего в вашей жизни. С приветом Виктор» (по штемпелю: 22.12.78).

«С Новым годом Наталия Ивановна здоровья вам, радости и веселья в новом году. Обнимаю вас Полина» (по штемпелю: 29.12.77).

«Милые, дорогие наши Друзья! Сердечно вас поздравляем с Новым годом! Пусть (очевидно, пропущено «бы» – В.М.) он принес Вам всем, только самое хорошее, радостное, светлое. Будьте здоровы, счастливы всего вам доброго благополучного в вашей жизни. Целуем Ваши Милюхины» (по штемпелю: 31.12.80).

Думается, что кроме самоочевидной контактоустанавливающей (а, точнее, контактоподдерживающей) или этикетной функций, такое послание, не предзаданное никакой информационной прагматикой, является важным слагаемым глобального открыточного оборота как фестивальной, а не коммуникационной практики. Ключевой ценностью такого поздравления, таким образом, является отнюдь не сам текст на реверсе открытки, но праздничный ритуал, фестивальный алгоритм – необходимо выбрать и приобрести открытку, «трафаретным» почерком заполнить индекс места назначения, опустить карточку в почтовый ящик. «Бенефициарами», в таком случае, являются как адресат, так и адресант, погружающиеся в желанную «атмосферную» последовательность действий, «подключающиеся» к настроению, или как сказали бы нынче, к «вайбу» праздника. Таким образом, одной из ключевых для советского человека функцией письменного коммуницирования является инструментальность открытки как средства генерации эмоций счастья и удовольствия.

Анализируя степень *открытости* открыточных посланий и возможность откровенной коммуникации в советском социокультурном контексте как таковой, О. В. Шабурова, с одной стороны, отмечает, что «Утвердившаяся исследовательская традиция рассматривать советское только как тоталитарное своей жесткой оценочной терминологией упрощает довольно сложную картину советского мира» [Шабурова, 2017, 19], но, вместе с тем, добавляет, что «Открытка – это открытое письмо, и все, что сообщается в послании, может быть доступно взгляду других. Поэтому логично ожидать от этих текстов сдержанности и закрытости (ведь еще совсем недавно люди жили в обществе тотального контроля и опасности)» [ibid., 15].

Всеобъемлющий и перманентный характер перлюстрации личной корреспонденции как одной из надзирательных практик советского общества в работе «Опасные советские вещи» неоднократно подчеркивают А.С. Архипова и А.А. Кирзюк [Архипова, Кирзюк, 2022, 65-66].

Принимая во внимание сказанное выше, было бы справедливо полагать, что советский человек, опасаясь излишнего (как праздного, так и служебного, *ведомственного*) интереса к своим посланиям, будет стремиться к минимальной проницаемости, герметичности своих текстов – например, воздержится от персональных подробностей, или позаботится об иллюзии конфиденциальности, сократив, скажем, имена упоминаемых лиц до инициалов.

Опыт ознакомления с материалами личной праздничной переписки, впрочем, указывает на обратное: порой, сколь ни парадоксальным представляется этот вывод, советский человек не только не боится, но и *желает* того, чтобы его текст был увиден (услышан). Разумеется, в таком случае речь идет о тех открытках, которые реализуют, кроме фатического, еще и информационное (нефатическое) общение. Рассмотрим несколько примеров.

«Дорогая Наташа! Поздравляем все Ваше семейство с Новым годом, будьте все здоровы и счастливы! Как вы живете, как давно мы не виделись! Соскучилась о всех Вас, всех хочется видеть! Работаешь ли ты? Я еще пока работаю (по глупости, конечно), пора уже отдыхать. Как

девочки? Где они? Как-нибудь приеду. Целую, Валя. Наилучшие пожелания от моих детей» (по штемпелю: 31.12.77).

«Дорогая Аннушка, здравствуй! Шлю я тебе огромный привет и сердечные поздравления с Женским праздником – 8ое марта. Желая тебе большого счастья, радости и всякого благополучия в жизни. Главное – не болеть. Мы с дочкой пока живы. Оля учится в 5^м классе. Я все работаю. Еще 4 года работать, а у меня здоровья совсем нет. До сих пор плачу по маме. В январе у меня была тетя Лина. Она сейчас в Ростове у Фаи. 9/1 мы с Олей были в Москве. Заезжали к А.Ф. но дома была одна баба Елена. Иногда к нам приезжает Николай Вадюнин. Как-нибудь собирусь с духом, напишу письмо» (28/II-74, датировано автором).

«Дорогая моя Аннушка, здравствуй. Поздравляем тебя с праздником – Международным Женским днем – 8ое Марта. Желаем тебе доброго здоровья, большого счастья и благополучия на долгие годы Жизни. Прости что давно не писала. Все не выбираю время на письма. Сильно устаю. После смерти мамы я всем стала писать редко. Тетя Лина была у нас в декабре и с тех пор я ей ни одного письма не написала. А как я переживаю за эти письма. Сегодня ей написала большое письмо. У нас с Олей все пока без изменений. Работаем и учимся. А время летит. Пиши о себе. Целуем. Зоя и Оля» (3/III-76, датировано автором).

«Уважаемая Наталия Ивановна и Ваше семейство! Сердечно Вас поздравляю с Новым Годом! Желая семейных радостей, счастья, успехов в делах, хорошего здоровья на долгие годы. Мира и добра. Мне о Вас напомнила Татьяна Семеновна. Как Вы поживаете и как дела обстоят со здоровьем? У Вас одна фотография с выпуска учащихся принадлежащих мне думаю, что сохраняется. Мое здоровье согласно возраста нынче за 40летие победы получила Медаль. До свидания с приветом Котельникова» (по штемпелю – 17.12.85).

«Танюша! Поздравляю с Новым годом! Желая, чтобы будущее десятилетие принесло тебе только радость и удовлетворение от жизни. Успехов тебе, счастья и здоровья! Осенью мне обещают (?) командировку в Ленинград, но откровенно говоря, не хочу никуда. Засиделась дома. Целую. Г.Ф. Владивосток, 28.12.79» (датировано автором).

«Дорогая Танечка! Поздравляю тебя и твоих родных с Новым годом! Пусть он принесет вам любовь, благополучие и успех. Танечка, как у тебя дела? Как наука? Пиши. Всегда рада твоей весточке. Мое пособие вышло, но есть пока трудности с приобретением. Я вышлю тебе позже, хорошо? У меня появилось желание написать еще «что-нибудь». Как-никак такая работа проносит уважение и вес. Пиши. Не молчи. Целую. Г.Ф.» (по штемпелю: 19.12.89.).

«С наступающим праздником! С Новым годом! Пусть в Новогоднюю ночь исполнится самое заветное и сокровенное! И у края пропасти / И у тигра в пасти / Не теряй ты бодрости / Верь в Счастье! (автор приводит слегка измененную цитату из песни «Между нами, дикарями, говоря» (музыка – В. Шаинский, слова – М. Львовский), прозвучавшую в х/ф «Завтрак на траве» (реж. Н. Александрович, 1979 г. – В.М.))» (по штемпелю – 19.12.81)

«Танюша! С Новым годом тебя поздравляю! Желая здоровья, Великих свершений, красивых решений Всех сложных задач, И мирного неба, И встреч интересных, И в жизни удач. P.S. Куда-то задевала твои новые данные. Думаю, что родители тебе передадут. How are things? Any changes? What is the news? I hope there is some news. (Актюбинск, Каз. ССР). (дата нрзб.) Kate».

Как и в предыдущем случае, предназначенная адресату, открытка в определенной степени *обслуживает* и адресанта, «закрывая» ряд его потребностей. Вообще, следует отметить, что, реализуя функцию информационного общения, масштабная эпистолярная коммуникация советских граждан в жанре «открытого письма» выступает специфической праформой

современных социальных сетей, позволяя заявлять о себе и вступать в диалог с миром от первого лица. Текст, представленный на реверсе открытки, сравним с отдельным постом в появившихся много десятилетий спустя «Вконтакте», «Facebook», или «Instagram» (деятельность признана экстремистской и запрещена в РФ – *В.М.*): он тоже позволяет презентовать себя и предьявлять себя миру, собирать свою идентичность, делиться чувствами, подводить итоги, вести «летопись» отдельно взятой жизни. Как нетрудно заметить на примере посланий, приведенных выше, советский человек говорит и о достижениях, и о планах, и об утратах, а иногда и просто «интересничает», экспериментируя с собственным эпистолярным имиджем – например, посредством приведения различных «броских» цитат, или путем иноязычных вставок (добавим также, что и то, и другое будет впоследствии, охотно применяться пользователями социальных медиа – все эти catchphrases превратятся в т.н. «статусы», «шапки профиля», или captions – подписи к фотографиям).

Таким образом, стремясь установить степень обусловленности эпистолярных посланий советских коммуникантов *советским* как *вертикальным* (т.е. государственными и социальными институциями, господствующей идеологией), на наш взгляд, целесообразно прежде всего говорить не о тоталитарности социального контекста и тотальности страха как его продукте, но о соотношении частного и общественного. В советском социуме, где «*не личное – главное, а сводки рабочего дня*», «открытые письма» становятся одним из немногих общедоступных и совершенно легальных каналов размещения личного в публичном пространстве; виртуальной (ибо письменной и заочной) трибуной, с которой рассказывается отдельная, обычная, *невеликая* жизнь. Факт «увиденности» (или «услышанности») послания кем-либо, кроме запланированного получателя (например, сортировщиками почтовых отделений, почтальонами) в таком случае, создает желанную (при этом – наверняка неосознаваемую) ситуацию *признанности* этих историй, их соизмеримости с общественными процессами, позволяет «примерить сомасштабность».

Модальность взаимодействия с государством в данной ситуации амбивалентна: с одной стороны, путем проставления штемпелей, государство, фактически, *авторизует* эти тексты, благосклонно разрешая им циркулировать по стране, а с другой – именно оно, государство, выступает в роли посредника, обслуживающего, благодаря деятельности почты как своего института, круговорот этих сугубо частных историй.

Открытка: отправлять по почте только в конверте

Отдельного внимания заслуживает поздравительная открытка, в советское почтовое путешествие отправлявшаяся в конверте. Она могла быть приложением к подробному, порой весьма многословному письму, выполняя в таком случае аттрактивную, подарочную, декоративную функции, обнаруживая внутри (часто «конвертная» – это двойная, складная открытка) вариации уже знакомых нам праздничных клише: «*С наступающим Новым 1980 годом!*» и традиционные пожелания.

Но нередки и случаи, когда, упакованная в конверт, сама открытка и являлась письмом: примеры таких образцов коммуникации рассмотрим ниже.

«Милая Танюшка, здравствуй! Поздравляю тебя с Новым годом. Желаю счастья, крепкого здоровья, радости и исполнения всех желаний. Извини, что до сих пор не писала. Не хватило духу на большое письмо, да и нет ничего нового. Гера пришел из армии, живем все у мамы в страшной тесноте. Настя растет, стала очень забавная, очень с ней трудно сейчас, потому, что

сует везде свой нос. Танюшка, если будет время, напиши. Наташа» (23.12.74, датировано автором).

«Дорогие москвичи! Поздравляем вас с Новым годом. Пусть этот год принесет Вам здоровье, радость, бодрость, успех, хорошее настроение и прекрасную погоду; исполнит все желания. У нас все хорошо. Виталик стал совсем большой. Бегает, играет с папой в футбол и догонялки. Помогает мне! убирает игрушки, вытирает пыль, тянется к венику. Научился танцевать: притопывает и кружится. Да, у нас уже 16 зубов и еще лезут. Вот такие дела. Целуем. Борзяне (жители г. Борзя в Забайкальском крае – В.М.)» (дата отсутствует; использована открытка 1981 г. издания)

«Дорогие Александр, Игорь, Леночка, Максим! Поздравляем Вас с Новым 1988 годом. Пусть он для всех нас будет мирным и добрым, пусть он принесет вам здоровье и благополучие в личной жизни и на работе, всем Вам хорошего настроения У нас все здоровы, все работают, Андрей заканчивает техникум скоро его ждет армейская служба У меня в ноябре было плохое самочувствие а в декабре я выдержала большое напряжение на работе Праздники провела хорошо. Сергей решил окончательно разводиться. А я страдаю из-за Наташи. Привет всем Зоя». (дата отсутствует; использована открытка 1987 г. издания)

«Здравствуйте, мама, папа, Люция, Альфия, Венера и Рустамка! Поздравляю Вас с Первомаем! Веселого и светлого Вам праздника. Извините, пожалуйста, что долго не отвечаю на Ваше письмо. Писать было совсем не о чем. Долго не работала, была на больничном. Состояние скверное. С работы увольняюсь. Врач запретила тяжелый физический труд. Сегодня разговаривала с начальником управления «Центросантехмонтаж». После праздника буду оформляться туда секретарем-машинисткой. Года за 3 обещают дать квартиру. Ну, а пока буду жить у Веры. Месяц назад Наиль прислал письмо. Писал, что его невеста выходит за кого-то замуж 1 Мая. Не знаю, правда ли это, или очередная шутка со мной. Почему-то кажется, что в роли жениха будет он, а письмо мне лишь для того, чтобы я поверила и не помешала им. Хотела написать Наилью, но не могу больше, да и он уже, наверное, досыта насмеялся над моими письмами. Пожалуйста, не обижайтесь на меня и напишите обо всем. Пишите на Толин адрес, потому что в мае должны переехать мои Беляевы в Брянск. Рая». (дата отсутствует; использована открытка 1977 г. издания)

«Дорогие д. Игорь, т. Саша, Максим и Леночка! Поздравляю вас с Новым 1987 годом! Желаю вам крепкого здоровья, счастья, успехов Леночке в музыке, максимуму в науке. Желаю в новом году т. Саше ездить на работу 50 мин., а не 2 часа. Всего вам наилучшего. Инна. Привет и поздравления от мамы, папы, Риты».

«Дорогая Танечка! Поздравляю тебя и твоих родных с Новым годом! Желаю вам хорошего здоровья, счастья, исполнения всего задуманного! У меня новостей почти нет, жизнь однообразная. Правда, летом я отвожу душу. В июле побывала в Закавказье: Мцхета, Тбилиси, Гори, Ереван, проехали (частично) по Военно-Грузинской дороге – моя давняя мечта. очень довольна этим путешествием. Летом планирую ФПК в Московском горном институте (май, июнь). Может быть, удастся остаться сразу в <нрзб.> в отпуск. Когда у тебя конец учебы? Как дела перед защитой? На должность старшего меня провели 2 года назад. Пиши. Целую. Г.Ф.». (17/XII-85, датировано автором).

Очевидно, что по сравнению с текстами «открытых писем», *конвертированные* послания обнаруживают еще большую, порой обескураживающую степень откровенности адресантов, тем самым значительно *конвертируя* и их идентичность.

И если объем и стилистику коммуникации, представленной на открытках со штемпелем, мы

сравнили с коммуникацией в социальных медиа, то тексты, «отправляемые по почте только в конверте» – это, скорее, попытка реализации жанра кухонных разговоров (принципиально очных и изустных свидетельств) – в компромиссном формате письменной и заочной беседы. Сравнение «открытой» открытки с социальными сетями видится нам обоснованным еще и потому, что в рамках такого общения, несмотря на явные стремления к *приватизации* эпистолярного дискурса, советский человек все-таки не выходит за рамки социальной (в данном случае – гражданской) идентичности, продолжая «сохранять лицо» и в полной мере оставаться *советским гражданином*, просто пожелавшим – очевидно, ситуативно – чуть больше говорить о себе самом. В текстах «закрытых» открыток происходит, фактически, снятие советской идентичности: «человеческое, слишком человеческое» одерживает победу над социально-приемлемым, и советский человек являет себя таким, каким в социуме быть не принято (а, может быть, еще и чревато): уязвимым, разочарованным, растерянным, иногда жалующимся, а иногда и вовсе – хвастающимся и сплетничающим; *непарадным*, не поднимающимся над бытом, занятым частными мелодрамами и прочими «мещанскими» сюжетами.

О.В. Шабурова, анализируя субъективности советского корреспондента открытки, отмечает, что «он предстает для нас <...> то зашоренным, идейным винтиком, то наивным, простодушным мечтателем». [Шабурова, 2017, 326]. Добавим: и, при этом, еще и личностью (не инакомыслящей, скорее – порой – *инакочувствующей*), и Персоной, и носителем выраженной Самости.

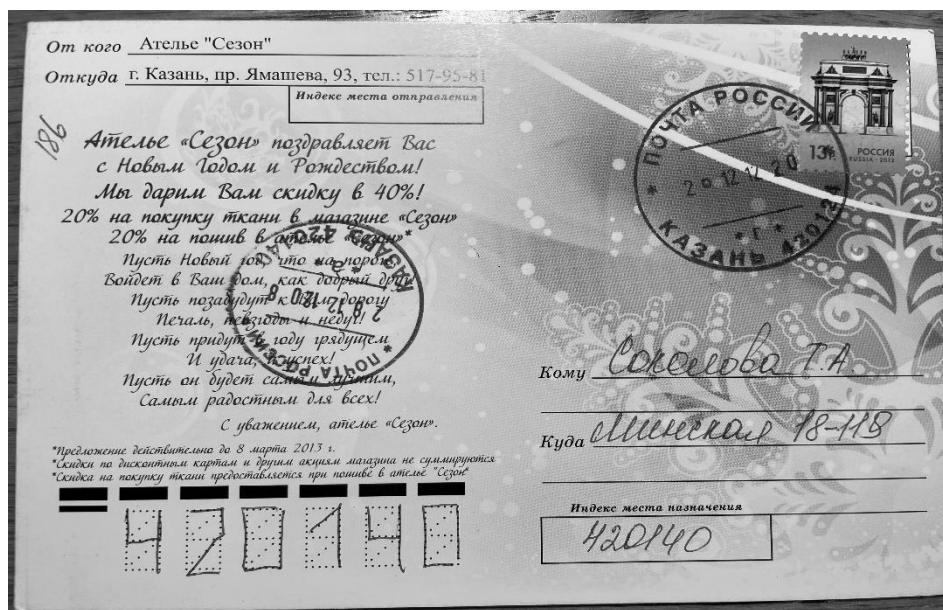
Заключение

Праздничное эпистолярное коммуницирование, ряду характеристик которого посвящена данная работа, является важным слагаемым габитуса советского человека, позволяющим осуществлять целый ряд социальных и культурных функций, среди которых и собирание себя, и рефлексия прожитого, и генерация «праздничных энергий».

Разумеется, превратившись на фоне глобальной дигитализации коммуникативных практик в винтажный артефакт, открытка, на сегодняшний день, перестала являться масштабной площадкой манифестации субъективности, которая позволила бы состояться «неформальному» знакомству исследователей с состояниями и эмоциями человека современного. Впрочем, некоторые особенности ее бытования продолжают иметь заметное «остаточное» звучание и сегодня. Открытка, по-прежнему, заметный joy giver; о чем, как показывает практика, особенно хорошо осведомлены маркетологи коммерческих структур: отсюда и прямолинейно-ностальгические дизайнерские стратегии Московского ГУМа, аэропорта «Домодедово», межпрограммного пространства «Первого канала», ранее уже подробно рассмотренные О.В. Шабуровой [Шабурова, 2009, 38-39], и, например, получившая распространение в т.н. «нулевые», мимикрирующая под персональное эпистолярное коммуницирование и явно рассчитывающая вызвать соответствующие «фестивальные» эмоции, практика корпоративных поздравлений в формате B2B (business to business, деловые партнеры поздравляют друг друга), или B2C (business to customer, коммерческая структура поздравляет своих клиентов; см. Рис. ниже).

Н.В. Арутюнян, рассуждая о возможном прочтении трудов Н.Н. Козловой, отмечает, что наследие данного автора может быть интерпретировано «как написанное в тактике оправдания, из стремления «отклеить» от человека, жившего и выживавшего в СССР, ярлык «совок», который скрывал под собой множество негативных коннотаций: безликий, безвольный,

ведомый, ограниченный, представитель массы» [Арутюнян, 2019, 182].

Рисунок 1 - Пример корпоративного новогоднего поздравления, полностью имитирующего персональное эпистолярное коммуницирование: открытка отправлена в виде «открытого письма», имеет марку и штемпель; адрес получателя вписан от руки.

По штемпелю: 28.12.12 г.

Как можно заметить даже на примере выводов, полученных в ходе настоящего исследования, довольно *нишевого* и *немасштабного*, анализ эго-документов советского человека позволяет визуализировать его субъективность иначе, нежели это происходит на эпических полотнах официальной истории. Таким образом, опыт прочтения эго-документов выступает как «прививкой» от стигматизации Homo Sovieticus, так и инструментом преодоления невозможного для философского знания условного конструкта «человек вообще».

Библиография

1. Арутюнян Н.В. «Предоставить тексту просто быть...»: методологические принципы исследования эго-документов в работах Н.Н. Козловой // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 8. С. 176-196.
2. Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 536 с.
3. Зарецкий Ю. Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2021. № 3. С. 184-199.
4. Козлова Н.Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 112-123.
5. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005. 544 с.
6. Лебина Н. Пассажиры колбасного поезда: Этюды к картине быта российского города: 1917-1991. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 584 с.
7. Насрудинова В.М. Транскрибирование контекстов современности в семантическом поле новогодней открытки // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 2 (44). С. 77-88.
8. Суржикова Н.В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость // История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург: АсПур, 2014. С. 6-13.
9. Шабурова О. Ностальгия: стратегии коммерциализации, или Советское в гламуре // Советское прошлое и культура настоящего: в 2 т. Екатеринбург, 2009. Т. 1. 2009. С. 33-44.

Soviet: projections of subjectivity in festive epistolary communication

Valentina M. Lipitskaya

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of Foreign Languages Department,
Kazan Higher Tank Command Order of Zhukov Red Banner School,
420059, 6, Orenburgskii trakt str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: vmnasrtdinova@mail.ru

Abstract

In accordance with the methodological guidelines of the so-called ‘anthropological turn’ in social studies, the author considers soviet festive postcards (their reverse, namely) to be a bright example of ego-document. After analyzing more than 1200 samples from a private (personal) collection, the author subdivided all the postcards into two categories: “open letters” and those, designed for being sent in an envelope exclusively. Having turned to the analysis of the postcard as an example of festive epistolary communication, the author comes to a number of conclusions about the feelings of the Soviet people. Realizing phatic communication predominantly, “open letters” are considered as a festival practice rather than communicative one. More than that, these postcards facilitated performing a range of functions that have later on migrated to social networks. In turn, those sent “in an envelope only” are, according to the author, the written analogues of legendary “kitchen talks”, within the confines of which disidentification with the Soviet identity is not infrequently observed. As can be seen even on the example of the conclusions obtained in the course of this study, which is rather niche and not large-scale, the analysis of the ego-documents of a Soviet person allows us to visualize his subjectivity differently than it happens on the epic canvases of semi-official history. Thus, the experience of reading ego-documents acts as both a “graft” against the stigmatization of Homo Sovieticus and a tool for overcoming the conditional construct “man in general”, which is impossible for philosophical knowledge.

For citation

Lipitskaya V.M. (2023) Sovetskoe: proektsii sub"ektivnosti v prazdnichnom epistol'yarnom kommunitirovani [Soviet: projections of subjectivity in festive epistolary communication]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (1A), pp. 166-175. DOI: 10.34670/AR.2023.99.62.013

Keywords

Soviet, subjectivity, ego-documents, epistolary communication, social networks, phatic communication, informative communication, identity.

References

1. Arutyunyan N.V. (2019) «Predostavit' tekstu prosto byt'...»: metodologicheskie printsipy issledovaniya ego-dokumentov v rabotakh N.N. Kozlovoi [«Let the text just be...»: methodological principles for the study of ego-documents in the

-
- works of N.N. Kozlova]. *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya»* [RSUH/RGGU Bulletin: Literary Theory, Linguistics, Cultural Studies Series], 8, pp. 176-196.
2. Arkhipova A., Kirzyuk A. (2022) *Opasnye sovetskie veshchi: Gorodskie legendy i strakhi v SSSR* [Dangerous Soviet things: urban legends and fears in the USSR]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
  3. Kozlova N.N. (1994) Krest'yanskii syn: opyt issledovaniya biografii [Peasant son: the experience of the biography study]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 6, pp. 112-123.
  4. Kozlova N.N. (2005) *Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii* [Soviet people. Scenes from the history]. Moscow: Evropa Publ.
  5. Lebina N. (2019) *Passazhiry kolbasnogo poezda: Etyudy k kartine byta rossiiskogo goroda: 1917-1991* [Sausage Train Passengers: Sketches for a Picture of the Life of a Russian City: 1917-1991]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
  6. Nasrtdinova V.M. (2018) Transkribirovanie kontekstov sovremennosti v semanticheskom pole novogodnei otkrytki [Transcription of contemporaneity contexts within the semantic field of New Year postcard]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na dal'nem Vostoke* [Humanitarian Research in the Eastern Siberia and the Far East], 2 (44), pp. 77-88.
  7. Shaburova O.V. (2017) *Sovetskii mir v otkrytke* [Soviet world in a postcard]. Moscow-Yekaterinburg.
  8. Shaburova O. (2009) Nostal'giya: strategii kommercializatsii, ili Sovetskoe v glamure [Nostalgia: commercialization strategies, or Soviet in glamour]. In: *Sovetskoe proshloe i kul'tura nastoyashchego: v 2 t.* [The Soviet past and the culture of the present: in 2 volumes]. Yekaterinburg. Vol. 1.
  9. Surzhikova N.V. (2014) Ego-dokumenty: intellektual'naya moda ili osoznannaya neobkhodimost' [Ego-Documents: Intellectual Fashion or Conscious Necessity]. In: *Istoriya v ego-dokumentakh: issledovaniya i istochniki* [History in ego-documents: studies and sources]. Yekaterinburg.
  10. Zaretskii Yu. (2021) Ego-dokumenty sovetskogo vremeni: terminy, istoriografiya, metodologiya [Ego-documents of the Soviet period: terms, historiography, methodology]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Emergency ration. Debate about politics and culture], 3, pp. 184-199.